

И ЦЕННОСТИ МОЕЙ ЖИЗНИ

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ГРИГОРИЕМ ЧХАРТИШВИЛИ

Когда мы только договаривались о встрече, он принялся описывать свою внешность: чтоб узнали. Да так чистосердечно, что было даже как-то неловко перебивать: «Григорий Шалвович, да мы, слава богу, уже успели выучить, как вы выглядите». Что поделаешь? Это когда Чхартшвили был японистом, переводчиком, автором масштабного труда «Писатель и самоубийство» и зам. главного «Иностранной литературы», его узнавали только избранные. С тех пор как он стал модным Б. Акуниным, автором нескольких детективных серий, его лицо успешно примелькается. Так что неудивительно, что, будучи опознанным и представленным редакцией, Чхартшвили перво-наперво тяжело вздохнул: «Чаще всего мне задают одни и те же вопросы. Признаться, я уже не могу отвечать на них всерьез. Можно, я начну обманывать прямо с вашей газеты?» Мы разрешили.

Общая газета, 2000. — 9-15 ноября, с. 10

- Как появился псевдоним «Б. Акунин»? Откуда родом Григорий Чхартшвили?
- Как родилось ваше увлечение Японией и интерес к суициду?
- Вы пишете по плану, или вас может захватить стихия?
- Вы были человеком приватным, сегодня, волею судеб, стали человеком публичным. Вы ощущаете издержки публичности?

— ВРАТЬ так врать. Бакунин — политический деятель, имеющий ключевое значение для моего проекта. Как в XIX веке каждый порядочный человек, живущий в России, должен был быть хоть немножко анархистом, так, мне кажется, анархизм совершенно необходим нынешнему состоянию русской литературы. Анархизм моего проекта в том, что в нем в одну кучу смешиваются два жанра: низкий и высокий. Один — бульварный, другой — берущий начало в русской классике. Сделано это для того, чтобы серьезные люди, читая, качали головой: «Господи, что за сумбур, что за анархия, что за безобразие!» А на самом деле, «Акунин» — по-японски значит «злодей»: каждый мой роман описывает отдельный тип злодея.

Япония интриговала меня с детства. Я родился в Грузии, но считая себя москвичом (есть такая национальность) и даже не знаю грузинского языка. Правда, недавно выяснил интересное обстоятельство: оказывается, «чхарт» по грузински — небольшая черная птвичка — не то дрозда, не то галка. А по-чешски «галка» — это «кафка». Так что я практически — «кафкашвили». Отец был артиллеристом, членом партии с 41-го года, мать — учительницей русского языка и литературы. Она очень правильно приучала меня к чтению. Сегодня один из моих друзей платит своему сыну деньги за чтение. Тот полчаса читает, а после фразы «Тут Д'Артаньян выхватил шпагу и...» закрывает книгу и говорит: «Время кончилось». А меня мать предостерегала: «Ты «Войну и мир» не читай, ты еще маленький и ничего там не поймешь». И я, забросив свои детские дела, как идиот тайком читал Толстого.

Если смотреть на Японию глазами того советского ребенка, которым я был, это экзотическая, а стало быть, романтическая и авантюристая страна. Она интриговала меня своей мистической непонятностью. Но сегодня, когда, как мне кажется, я понимаю Японию и японцев, эта страна нравится мне еще больше. Меня привлекает ее благородная сдержанность, то, что по-английски называется understatement: в русском языке нет такого слова, видимо, оно противоречит национальному характеру. Хотя пора бы уже придумать. Кроме того, мне всегда нравилось, что японцы умеют создавать красоту из очень скудных средств.

Но больше я не буду переводить ни с японского, ни с английского: я слишком занатрал сочинительством. Мой переход из состояния серьезного человека в состояние несерьезного человека начался с того, что однажды утром я проснулся и вдруг сообразил, что моя дальнейшая профессиональная биография видна до самого горизонта. Я перевожу уже 20 романов, стану когда-нибудь главным редактором журнала «Иностранная литература», напишу диссертацию «Сравнительный анализ понятия «красота» у Достоевского и Мисимы...». И мне все это показалось так неинтересно, что я решил попробовать жить по-другому, пока не стало поздно. Был и иной стимул — развелся жену. Хотелось, чтобы она относилась ко мне с большим почтением.

Это случилось, между прочим, 1 апреля, три с половиной года назад. Мне было сорок. Понятно было, что ничем, кроме писания текстов, я заниматься не умею. Поэтому искать следовало все в том же литературном секторе. Для начала я скупил тогдашние бестселлеры: изучил предложение. Чтение у меня профессионально: три-четыре страницы, и уже складывается полная картина. Прочтя все купленное за день, я понял, что есть огромный сегмент рынка, в котором никто не работает — развлекательная литература для

квалифицированного читателя. И это именно тот вид литературы, которым мне интересно заниматься. В том числе и потому, что в литературной работе мне всегда импонирует игра. Я вообще люблю всякие игры. В детском саду больше играл в домино-матри: меня привлекало обилие с противоположным полом. Потом играл в карты, в компьютер. Играть на деньги — то же самое, что писать массовую литературу: нельзя задумываться о выигрыше, это сковывает. Интересен должен быть сам процесс. У карточного Н.А. Некрасова была замечательная теория: никогда не играть на деньги, необходимые для жизни. Он заранее отводил на проигрыш какую-то часть своего годового дохода, «армию», которую то был потерять до последнего солдата. Именно поэтому Некрасов все время выигрывал. А Достоевский, не придерживавшийся этого правила и игравший на последнее, проигрывал.

Но игру я люблю только в литературе. Мистификации в жизни мне чужды. Однако, несмотря на моральную готовность к тому, что знакомые встретят мой проект шутками и издевательствами, до поры до времени я скрывал свое авторство. Мне было важно избежать выхода моей книжки «Писатель и самоубийство». Не хотелось, чтобы эта вполне серьезная книга воспринималась как что-то беллетристическое или итровое.

Почему я заинтересовался суицидом? Честно говоря, мне удивительно, почему все люди, живущие на свете, не интересуются этой проблемой. Ведь вопрос, стоит ли жизнь того, чтобы прожить ее до конца, несмотря на все пакости и неприятности, — самый важный вопрос бытия. А еще обращение к этой теме связано с моими профессиональными занятиями — многие выдающиеся японские писатели покончили с собой. В частности, писатель, которого я переводил больше всего, Юкио Мисима, свел счеты с жизнью самым безобразным образом: совершил харакيري. Акутагава и Кавабата приняли снотворное, Осаму Дазай, афантерий японской литературы, утопили в резервуаре для дождевой воды. Думаю, это происходило оттого, что японский писатель — писатель в квадрате. Писатель вообще существо довольно одинокое: он работает сам по себе и должен питаться собственными внутренними соками. А в японском обществе, которое еще очень монолитно и сплоченно, писатель особенно одинок. Ему не с кем иде-

н сейчас понимаю, что это неправда. Если пишешь, как надо, то ничего не выдумываешь, а утапливаешь историю, которая действительно существует во времени и пространстве. Я верю в то, что все истории, как и все мелодии, уже существуют, надо только их правильно нащупать. У меня нет проблем с сюжетами, они у меня летят из головы, как из мясорубки, только успевай подбирать. Проблема с тем, чтобы не потопориться, не перейти на скороговорку.

Главное — угадать имя персонажа, правильно его назвать. Проложить это фарватер, и линия сюжета проляжет легко, и отношения героев сами собой выстроятся. У

Я не стал богатым. Но тут главное не суетиться, все должно приходить в свое время. Кроме того, богатство — понятие относительное, и зависит не от количества денег, а от самооценки. Мне денег всегда хватало, даже когда их у меня было совсем мало.

Я пишу всего часа по четыре в день. На один роман, без отрыва от прочих производств, уходит полтора-два месяца. Но сейчас я сознательно буду писать медленнее: боюсь исхалтуриться. Чем дальше движешься, тем тоньше нужно выпиливать лобзиком.

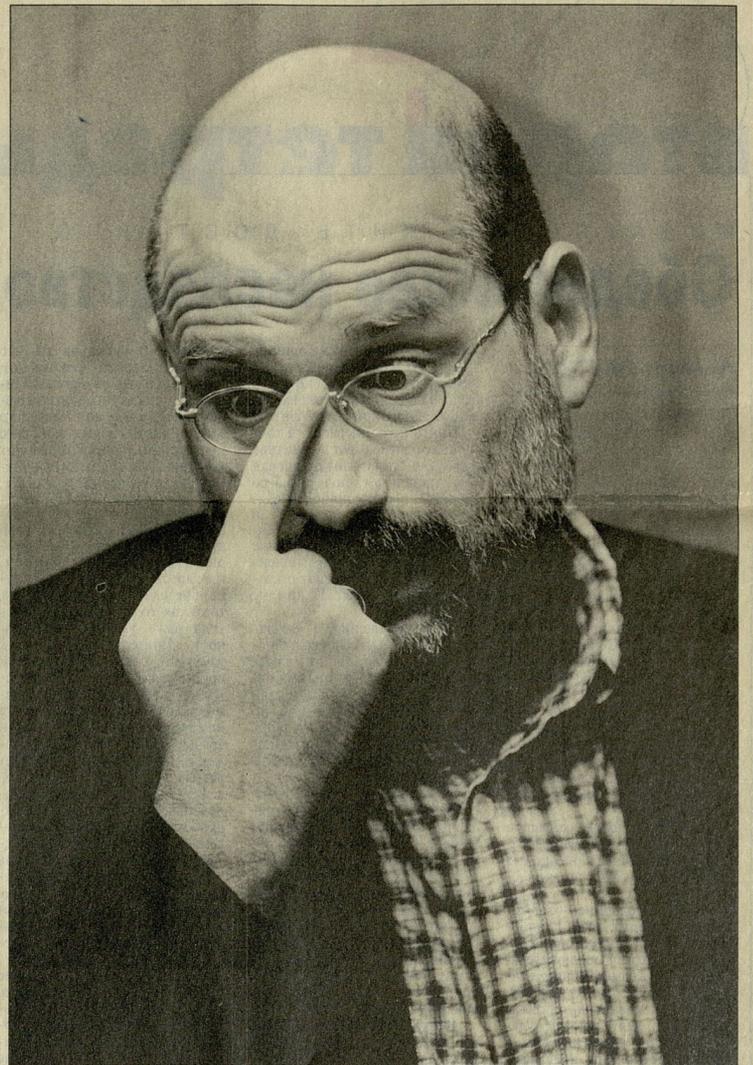
- Кого из литераторов вы считаете своими предшественниками?
- Как вы оцениваете нынешнее состояние русской литературы?
- Сохранится ли институт «толстых» литературных журналов?
- Интернет — угроза литературе или благо?

— Я НЕ СЧИТАЮ себя писателем. Я — беллетрист. Разница между этими терминами довольно туманна, но для себя я ее объяснил. Настоящий писатель, по-моему, пишет главным образом для себя. Ему не

нужно достойные. Их надо поддерживать. Лучше, чтобы это делали частные спонсоры, если нет — пускать это делает государство. Деньги ведь небольшие.

На мой взгляд, ситуация сегодня меняется не только в некоммерческой, но и досуговой литературе. При том выборе, который существует, читатель больше не будет покупать что ни попадя. Признаться: как человек планового хозяйства, я только начинаю свой проект, сразу рассчитав шансы на успех. У меня получилось, что при отсутствии рекламы на внутреннем рынке «продукта» уйдет год за три, а вероятность полного успеха я оценивал процентов в 20. Но оказалось, что я не представлял себе своего потенциального читателя. Я думал, что пишу для умников, которые в обычное время читают Дерриду, а когда у них начинают дымиться мозги, им приходится на ум взять мою книжку. Оказалось, круг моих читателей заметно шире. Понятно почему: сегодня есть потребность в такого рода литературе. Россия по-прежнему продолжает оставаться очень читающей страной, и здесь живет множество людей, для которых важен не только сюжет, но и то, как это написано.

На сегодняшний день каждая моя книжка вышла тиражом около 100 тысяч экземпляров. Для твердой обложки это нормально. Замечу, что 90 процентов книг было продано после 1 января 2000 года. А конкуренция я не боюсь. Сочине-

ние иначе было бы трудно прожить, и переродиться во что-то более серьезное. По-моему, это очень питательная и полезная среда. Конечно, там можно прочесть и про наркотики, и про то, как покончить с собой. Но что делать? Вопрос о нравственной ответственности литературы мне кажется сомнительным и чреватым цензурой. Литература вообще дело опасное и вредное. Любое живое слово может быть как лекарством, так и ядом. Но взрослая литература в принципе пишется для людей ответственных, способных принимать решения.

Мне вообще кажется, что в скором времени бумажная книга слохнет. И слова Боура, леса будут целее. Уже лет через пять-десять человечество перейдет на электронные книги, и это будет чудесно: дома освободится множество места и не надо будет дышать пылью. Сегодня у меня правило: дома 24 книжных полки и, когда я покупаю новую книгу, одну старую выкидываю. А так у меня дома будут стоять 4 электронных книги: маленькая, для дороги, большая, с атласами и картинками, одна справочная-энциклопедическая и книжка для жены.

- Откуда вы черпаете сведения о действиях тайной полиции?
- Как ваши политические взгляды соотносятся со взглядами вашего героя?
- Что вы вкладываете в понятие «историзм», «государственность», «национальная идея»?
- Как смотрите на нынешнего президента?

— Я НЕ УВЕРЕН, что сочинитель детективных романов должен отвечать на политические вопросы, но поскольку я живу в этой стране, то ничего не поделаешь.

Непосредственного знакомства с тайной полицией у меня не случилось. Правда, однажды ко мне подкатывался какой-то ли Александр Иванович, то ли Иван Сергеевич... А в институте меня не вербовали: анкета была неподходящая. Я был беспартийным и пр., и пр. На мое, с позволения сказать, творчество существуют противоположные точки зрения: одни говорят, что писатель не любит Россию, другие объявляют «великодержавным держимордой». И те, и другие не правы. Если говорить об эмоциональной — не знаю, можно ли сказать идеологической — сути, мои книжки про то, что в нашей стране жить можно и ее, несмотря на все недостатки, можно любить. А столица нашей родины меня просто интригует. Москва — город с большой буквы, один из самых интересных, а может быть, и самый интересный город на планете. Ее тектонические сдвиги, которые произошли в стране, сказываются не сразу, а спустя десять лет. И сегодня в Москве — мощный драйв и потрясающая энергетика. Этот город сразу погружает тебя в некий культурный бульон очень интересной консистенции. Может, с Москвой можно сравнить только Нью-Йорк. Париж

или Лондон, по-моему, сильно похуже. В Москве жило очень много людей, и все они под нами похоронены. То, что они чувствовали и думали, не исчезло, а растворено вокруг. Металлополис, где мертвых больше, чем живых, на свете немного.

Я не очень хорошо знаю старую Москву и в значительной степени ее выдумываю. А вот русскую историю, начиная с реформ Александра II и до революции, как историк по образованию представляю себе довольно хорошо. Мне симпатичен этот период, а более всего — его литература. Я всегда с удовольствием читал Давыдова и Эйдеманна. Без удальства — Пиккули: он много писал о Японии. Но из исторических романов мне больше всего импонирует Алданов. Вообще, к понятию «историзм» я отношусь очень легкомысленно. Я пользуюсь архивами, газетами, книгами, то есть я знаю, как все было на самом деле. Грех было бы не воспользоваться в истории частно происшедшим таким, что нарочно не придумаешь.

Но я не Ташиг, а, скорее, Александр Дюма. И чтобы показать, что персонажи принадлежат мне, а не истории, немного меняю фамилии: Толстой — Толстов, Велтишев — Велтешев, Скобелев — Соболев и так далее. Помню, однажды делал буквы — и делай с героем что хочешь. Например, интригу романа «Пелатия и белый бульдог» я придумал, но в основе, конечно, мултанское дело, о котором писал еще Короленько. Кстати, у этой книжки посвящение: «С любовью Н.С. и Ч.Г. Н.С. — это Лесков, а Ч.Г. — многие думают, что я сам себе посвятил, но на самом деле любовь адресована Чарлику, белому боксеру Сергею Гандлевскому. Сейчас я пишу продолжение «Пелатия и Черный Монах».

Мой герой Эраст Фандорин меняется, и меняется его политическое воззрение. В романе «Коронация» Эраст Петрович уходит из государственной службы. Потому что он живет по Конфуцию, а тот говорил, что благородный муж служит государю до тех пор, пока это не приводит в противоречие с его представлениями о чести. И мне кажется, если бы Фандорина назначили, например, в нашу комиссию по борьбе с коррупцией, он бы довольно быстро ее покинул.

Если честно, я до сих пор не знаю, кто такой Путин и чего больше он принесет этой стране — добра или зла. Но одно мне ясно уже сейчас: не все советчики, его окружающие, семи пядей во лбу. Из-за этого происходит много ошибок, в том числе грубых. Но вместе с тем кажется, что вещи, которые делаются, мне кажутся важными и перспективными. И самая важная из них — налоговая реформа.

Что касается «государственности», то, на мой взгляд, в этом вопросе сегодня происходит некоторая подмена. Под «государственностью» подразумевают что-то, направленное против личности. Тогда как правильное государство должно личность защищать и создавать ей условия для развития. «Диктатура закона» тоже не по мне, ведь на деле она всегда превращается в диктатуру охранительных органов. Мне кажется, возрождение России возможно только из провинции. И поэтому, на мой взгляд, сегодня следует не укреп-

лять вертикаль власти, а давать больше простора регионам. В этой связи любопытно сличение Владимира Владимировича с Александром Исаевичем, который сторонник земства и вроде бы провинциализма.

Кстати говоря, на последних выборах я — впервые в жизни — голосовал за Явлинского. Я знал, что он не выиграет, но считал важным, чтобы либеральная оппозиция, которую он олицетворяет, получила как можно больше голосов. Не получилось. И сейчас я уверен, что «под Путным» нам жить еще семь лет. Любой политический лидер представляет собой пирамиду, которая под ним вырастает. Эту пирамиду строить с места очень трудно, особенно если в стране не будет катаклизма и население этой страны будет заинтересовано в преумножении.

Национальная идея — не политический курс, который может меняться, а некий нравственный камертон, и его не придумаешь. В конце концов тот моральный кодекс, который содержится в произведениях русской классической литературы, Толстого, Достоевского, Чехова, способен объединить любую нацию. В их произведениях все понятно: что важно, что не важно, ради чего стоит жить, ради чего не стоит, что делать можно, а что ни в коем случае нельзя. Поэтому мне кажется, надо пытаться возродить русскую классическую традицию, лучше, что создано этой страной за тысячу лет ее существования. Причем это возрождение должно произойти на всех уровнях культуры.

■ Над чем сейчас работаете?

— ЧЕМ я планирую сегодня заниматься? Собираюсь написать еще две пьесы: настоящую комедию и пьесу про старость. Кстати, когда я писал «Чайку», я писал шутку, дивергентом, и никогда не предполагал, что ее могут поставить в настоящей стране. Но ее ставят. На одном из телеканалов мне даже предложили сделать целую серию продолжений русских классических романов. Но я отказался: прием, повторенный дважды, неинтересен. У меня и про Фандорина все книги разные. Я обещал охватить все жанры криминального романа: впереди еще пять книжек. А чтобы слаще было возвращаться к XIX веку, в это варенье необходимо подложить ложку горчицы: я затеял современную книгу. Мне жаль, если мой роман «Алтын-толобас» воспринимается как снижение планки. Задуман он был иначе, и если в первом романе я не вполне справился с задачей, попробую во втором. Первый роман — стартовый, пилотный, он дает некоторую экспозицию: действие происходит пять лет назад, это предстории героев. Дальнейшие истории (эта серия будет длиннее, чем про Эраста Петровича) не будут иметь даты, будут происходить здесь и сейчас. В них будут действовать герои, которые еще не умерли, и поэтому серия должна быть более оптимистичная, чем фандоринская или пелатийская. Когда люди живы, есть надежда, что все будет хорошо.

Поэму подготовила Юнна ЧУПРИНА Фото Артема ЖИТЕНЕВА

Акунин — по-японски «злодей»

Как серьезный Григорий Чхартшвили стал литературным анархистом

меня дома есть огромный список имен, отчества и фамилий. За это отвечает жена. Кстати, на днях у меня произошел позорный случай. Я общаюсь с читателями по Интернету, и кто-то из собеседников упомянул имя «Эдвард Литвинов». Я ответил: извините, пожалуйста, за необразованность, но я такой не знаю. А мне в ответ: это одна из главных героинь «Статского советника»!

Мне понравилось быть несерьезным человеком. Я больше не буду переводить (сочинять интересно), не буду читать лекции (мне неинтересно с молодежью). Я пе-

так важно, сколько людей его читают и сколько людей его понимают. А беллетрист пишет для публики. Надо сказать, до недавнего времени к ремеслу сочинителя художественной литературы я относился пренебрежительно. Хотелось что-то сказать — пиши от себя, а не подсовывай мне выдуманного Ивана Иваныча. Но недавно я вновь понял, зачем люди пишут романы. Не благодаря своим сочинениям, а благодаря роману Михаила Шишкина «Взятие Измаила». Если ему не дадут Букеровскую премию, жюри надо просто подпороть. Может быть, это лучше, что

ние беллетристики это не спорт, здесь золотых медалей предостаточно. Любой из вас прочтывает в год 40–50 романов: столько ни один беллетрист не напишет. Вот, кстати, интересно было бы взять какой-нибудь совсем безнадежный жанр, вроде любовного романа, и попытаться что-нибудь из него вынуть.

Я не знаю, происходил ли подобные процессы в других отраслях искусства: я редко бываю в театре, почти не хожу в кино. Хотя серия об Эрасте Петровиче вроде бы будет экранизирована. Когда я произнес свои условия первой обротившейся ко мне кинокомпании, они покрутили пальцем у виска и исчезли. Условия у меня, действительно, серьезные. Что мне прибавит очередная кино- или телеэкранка? Ничего. Поэтому мне важно, чтобы фильм был качественным, профессиональным, а хорошо бы, еще и выходящим. Это требует определенных базовых условий. Прежде всего, у фильма должен быть достаточный бюджет. Я выяснил, что минимальная стоимость производства серии для телесериала — четверть миллиона долларов. Обычно же снимают на колее и тратят не больше 50 тысяч долларов. Потом, у меня такое впечатление, что самое слабое место всей нашей кинопродукции — это сценарий. И я поставил условие, что писать буду только сам и не позволю вносить в сценарий изменения без моего согласия. Еще я заявил, что сам буду выбирать режиссера и главных исполнителей. Первыми на эти наглые условия согласились на ОРТ: уже подписан контракт на сериал по «Азазелю». Снимать будет Александр Алабашев. Сценарий уже одобрен. Была очень комичная сцена, когда после торговли с подписанием договора Константин Эрнст спросил: «У вас хорошо, какого вы хотите актера и какого вы хотите режиссера? А же в кино не хожу!» Пришлось попросить список режиссеров, а если они окажутся неизвестными, то и каскеты с их фильмами. С актерами, я думаю, проблем не будет. На сайте «Фандорин» уже идет народный кастинг: претенденты на роль Эраста Петровича присылают свои фотографии нечеловеческой красоты. Советую посмотреть.

В Интернете я общаюсь с читателями. Вообще, на мой взгляд, влияние Интернета по-прежнему: во-первых, он раздвигает литературные рамки, во-вторых, вызывает интерес к литературному творчеству, разрабатывая эту мышцу. И хотя в основном в Интернете плавают графоманы, там встречаются и талантливые тексты, кото-

Свободы и преусневания

тифицироваться, не за кем спрятаться, он совершенно обнажен. И когда у японского писателя начинаются проблемы с тем, что его держат на плаву — с творческим импульсом, — ему вливной, второй-не тяжелее, чем неопион.

Писатель меня интересовал только как частный случай человека. О том, отчего повесился электрик Петров, никто никогда не узнает, а писатель всегда все о себе разясняет. Или письмо оставит, или роман напишет.

Стоит ли удивляться, что, сочиняя первый роман о Фандорине, я вначале увидел такую картинку: парк, молодой человек, модно, но небрежно одетый, приставляет револьвер к виску... На первых порах я начинал с того, что придумывал интригу. Но

рестал носить галстуки, которые ненавидел всю жизнь. Я ушел из «Иностранной литературы», за что многие меня упрекают. Но работать в журнале надо всецело, а мои мозги слишком заняты сочинительством. В остальном все осталось по-прежнему. Я езджу на метро и не слышусь от этого страдала. Это Шендерович борозду в отпуск сбрасывает, чтобы его не останавливали на улице. За границу я и раньше выезжал, правда, сегодня чаще, чем раньше, делаю это не за свой счет. Публичным человеком я так и не стал: не встречаюсь с читателями и не раздаю автографы в магазине. Я не могу сказать, что люблю интервью, но не отказываюсь: это было бы кокетством. Если работаешь с массовым жанром — изволь соответствовать.

было написано за все постсоветское десятилетие. Вообще же мне кажется, что сегодня в литературе начинается ренессанс. Серьезная некоммерческая литература, несмотря на все пессимистические прогнозы, по-прежнему публикуется в первую очередь в «толстых» журналах. На мой взгляд, они совсем не отжили свой век. А если сегодня и находятся в лучшей форме, то это от того, что в них в значительной степени работают люди старшего поколения, которые никак не могут настроиться на новую волну. На свете есть только две страны, где новая казевственная литература вначале появляется в толстых журналах: это Россия и Япония (перенявшая эту традицию у России лет сто назад). Журналы — это наше националь-